

ПОЛЬША

АНДЖЕЙ ВАЙДА:

ЛУЧШИЙ ФИЛЬМ ТОТ, КОТОРЫЙ ЕЩЕ НЕ СНЯЛ

ДАР АБСОЛЮТНОГО СЛУХА

На экранах мировых кинофестивалей появился новый фильм знаменитого польского режиссера Анджея Вайды «Валенса. Человек из надежды». Картина о лидере знаменитого профсоюза «Солидарность» рассказывает его историю, начиная с 70-х годов прошлого века, когда простой электрик начал свой путь борьбы за права рабочих, и заканчивая 1989 годом, когда, оваянный мировой славой, он произнес знаменитую речь в Конгрессе США.

О новой ленте, современном и старом кино, смысле жизни 87-летний основатель польского кинематографа рассказал в эксклюзивном интервью «Янтарному мосту».

Как известно, в картине «Валенса. Человек из надежды» использовано много документальных кадров, сценарий строился на архивных материалах, включавших даже оригинальные записи с допросов Валенсы во время его арестов. Тем не менее, несмотря на тесную связь с историей, эту работу всё же называют художественной. Лента действительно не носит политического характера. Она получилась такой, какой Вы ее задумали?

Я не мог полностью отказаться от политики. Но здесь была совершенно другая ситуация. Это не был разговор политиков с политиками,

СТОП-КАДР. Анджей Вайда родился в 1926 году в Сувалках. Отец будущего лауреата премии "Оскар" был расстрелян в Катыни в 1940 году. Вайда окончил Академию изобразительных искусств Кракова, затем учился в школе киноискусства в Лодзи. Уже второй фильм режиссера, "Канал" (1956), о бойцах Армии Крайовой, удостоился специального приза на кинофестивале в Канне. Следующий фильм Вайды, "Пепел и алмаз", раскрывший актерский талант Збигнева Цыбульского, считается классикой. В конце 1970-х годов режиссер обратился к антисоциалистической тематике: результатом стал фильм "Человек из железа" ("Золотая пальмовая ветвь", 1981 год). Среди других знаковых произведений — "Пейзаж после битвы", "Земля обетованная", "Страстная неделя". Вайда выступает и как театральный режиссер, уделяя значительное внимание постановкам романов Достоевского. Последний из нашумевших фильмов, "Катынь", вышел в 2007 году. Режиссер отмечен рядом государственных наград, в числе которых французский орден Почетного легиона и российский орден Дружбы.

а разговор партии, которая управляла страной, с взбунтовавшимися работниками. Вначале казалось, что проблему удастся решить при помощи денег. Предполагалось, что они просто хотят больше получать, так как продукты снова подорожали и люди труда оказались в безнадежно сложной ситуации.

На Гданьской судовой верфи работало 16 тысяч человек. Это одновременно целый город Гданьск —

семьи, дети, жены. В момент, когда началась забастовка, не было ясно, закончится она на дежурном вопросе или же появятся новые требования политического характера. Как оказалось, самым главным было, чтобы в социалистической стране появился профсоюз, который не подчинялся бы никому, кроме себя самого, и боролся за интересы работников.

Но Ваш фильм, скорее, об одном человеке, чем о забастовке?

Я не хотел развивать всю проблему. Я понимал, что мой ге-

рой Валенса — работник, электрик, уволенный с работы после 10 лет службы за то, что он вмешивался в разные политические дела, сблизился с Комитетом защиты рабочих. Я понимал, что должен показать это всё через призму одного человека. У Валенсы была положительная черта, благодаря которой он увидел всю серьезность ситуации далеко за пределами судовой верфи. Он понял, что нет иного пути, кроме переговоров. Не правда, что если вся

ДАР АБСОЛЮТНОГО СЛУХА

страна погрузится в забастовку, что-то из этого выйдет. Он считал, что бастовать нужно только для того, чтобы оказать более мощное давление на переговорный процесс.

Помогали ли в съемках личные воспоминания, ведь Вы также были свидетелем событий тех лет!

Я был там, и я очень хорошо помню, как все почувствовали вкус победы. Один из работников подошел ко мне и предложил снять фильм об участниках этих событий. После «Человека из мрамора» (о 50-х годах XX века – *Ред.*) сделать «Человека из железа». Я не смог ему отказать. Сразу после победы, завершения забастовки мы начали снимать. Я сблизился с этими событиями и всегда думал о том, что Валенса сыграл огромную роль в истории.

В фильме показана история Валенсы до конца 80-х годов. Многие обращают внимание, что Вы не пошли дальше, не стали рассказывать его биографию целиком, демонстрировать годы, когда он занял пост президента Польши.

Я хотел сказать, что политик создан для определенного момента времени. В каких-то событиях он оказывается на высоте, а в каких-то – нет. В связи с этим, я хотел показать Леха и то, что он смог сделать, не только противостоя власти и системе. Он понимал, что переговоры неизбежны, а забастовка – это дополнительная мотивация. И у него всё получилось – появился огромный десятиmillionный профсоюз «Солидарность», в который мы все вступили, в том числе и я.

Последний период, когда Валенса пытался реализовать то, чего они добились во время забастовки, вплоть до введения военного положения – это вторая тема. Здесь он из электрика с таким немного крестьянским умом становится предводителем огромного профсоюза. Военное положение было очень важным моментом. Он был изолирован, но несмотря ни на что последовательно выдержал это тяжелое испытание. Это была его вторая победа. А триумфальное возвращение домой было демонстрацией того, что «Солидарность» не исчезла, а просто ждет следующего случая, когда сможет снова начать действовать.

И, конечно, важно завершение, когда наш работник, электрик из Гданьска, предстает перед американским сенатом и говорит: «Мы народ!». А дальше было как было... Здесь уже снимайте фильм без меня. Меня не интересует период, ког-

да Валенса уже встретился со сложностями своей биографии. Пусть, в конце концов, кто-нибудь другой сделает фильм. Я не единственный режиссер в этой стране.

А Вы знаете, что об этом фильме думает сам Валенса?

Валенса очень интеллигентный человек. Он не хотел говорить со мной на эту тему, не читал сценария, никогда не был на съемочной площадке и не видел картины до конца. Фильм получился не на одну тему. Мы видим его в политической деятельности и в домашней обстановке. Валенса показан здесь как человек со всеми своими забавными чертами. Из-за этого он, конечно, был не очень доволен. Но благодаря этому, картина получилась живой. Конечно, мне очень повезло с актерами. Роберт Венцкевич и Агнешка Грохоцкая, которые исполняют главные роли Леха и Дануты, – фантастические артисты. Я очень счастлив, что в Польше есть такие актеры, с которыми стоит делать кино.

Фильм «Валенса. Человек из надежды» номинирован на премию «Оскар». Какие надежды Вы связываете с этой номинацией?

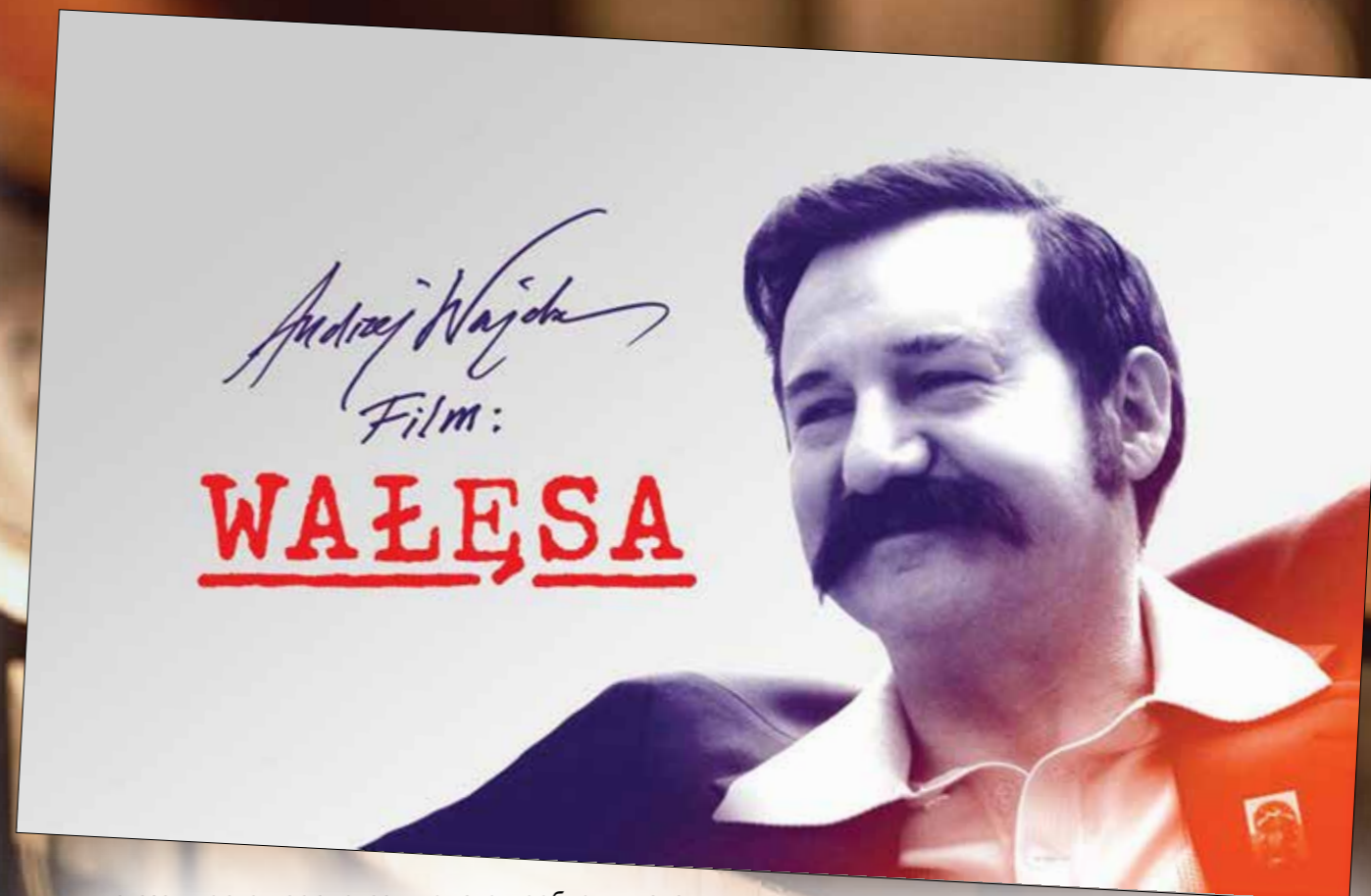
У меня уже есть «Оскар». Но мне было бы очень приятно, так как мы снимали этот фильм очень долго. У нас были очень хорошо написанные сценаристом сцены и документальные материалы, которые постоянно появлялись из разных источников, всё время приходило что-то новое.

Планируете ли Вы широко продемонстрировать новый фильм на фестивалях в России?

Фильм уже идет на разных фестивалях. Их сейчас очень много. Я никому не отказываю при условии, что он не будет участвовать в конкурсе. Это картина от сердца, и я хочу, чтобы она служила хорошему делу и рассматривалась не как мой фильм, а как наш фильм – всех тех, кого я узнал в 80-е годы. Это исключительный фильм. Он не подходит для конкурсов. Мне нравится, что зал на показах аплодирует Валенсе, так как именно он создал ситуацию, благодаря которой мы можем приехать с этой лентой куда угодно и где угодно ее показать. Он не только герой этого фильма, а как бы его создатель.

Вы создаете фильмы уже 60 лет. Для кого или чего Вы работаете?

Я всегда создаю фильмы для польской публики. Я не могу работать для публики, которую не знаю. Даже когда я сделал за границей «Дантона» о французской революции, президент Франции

сказал после просмотра, что «это проблемы пана Вайды, нас это не касается». Мы продемонстрировали другой взгляд на эту революцию.

В Вашей фильмографии много исторических фильмов. Как Вы относитесь к истории? Считаете ли Вы, что история – лучший сценарист?

Мы сформированы прошлым и в хорошем, и в плохом смысле. Если бы не Лех Валенса, неизвестно, как развивались бы события, до какой войны могло бы дойти. В Польше в политики в основном приходят из интеллигенции. Все кровавые конфликты заканчивались нашим поражением. А работник, вставший во главе такого движения, как «Солидарность», и взвешенно действующий, чтобы не дошло до пролития крови, – это новость в польской истории.

В своих работах Вы всегда максимально точно стараетесь повторить события прошлого, используете много документов, документальных кадров. Зачем быть таким объективным, ведь Вы снимаете художественное кино и как художник можете себе позволить любые повороты сюжета?

Многое обязывает, когда обращаешься к обществу, которое уже располагает определенной информацией. Ведь в кино редко приходят люди, которые не знают о происходящем, о том, в какой стране они живут. Я обращаюсь к интелли-

гентной публике. Она сформирована на этих исторических событиях.

Вы можете из всех своих работ особо выделить какую-то одну картину, есть ли у Вас любимый фильм?

Тот, который собираюсь снять. Фильм, которого еще нет.

А над чем Вы сейчас работаете?

Мы снимаем небольшой документальный фильм о предводителе восстания в Варшавском гетто Марке Эдельмане, с которым записан последний в его жизни разговор. Уходя, он оставил нам такой рассказ под названием «И была любовь в гетто». Он описывает, как в той ситуации женщины теряли голову, не принимая во внимание окружающую реальность. Мы объединяем кадры из гетто, Варшавы тех лет с этим его рассказом на камеру. А потом посмотрим... Буду думать.

Вы смотрите современное кино?

Я смотрю не так много, как должен. Я уже не настолько здоров. Странно. Раньше я со всем справлялся. А сейчас раз на раз не приходится.

У Вас есть любимый писатель или режиссер, какая-то личность, на которую Вы в чем-то ориентировались?

Нет. Это зависит от того, с кем я работаю. Я сотрудничал со многими современными писателями, и каждый раз он для меня был самым

главным. А фильм, который произвел на меня наибольшее впечатление, я могу назвать. Я тогда еще был студентом Академии искусств в Кракове. После войны на экранах показывали картину «Гражданин Кейн» Орсона Уэллса. Этот фильм поразил мое воображение. Он был прекрасен. Я не могу его забыть.

Тогда еще не было никаких специальных эффектов, компьютерных технологий и электронных возможностей. На Ваш взгляд, все эти современные новшества мешают или помогают развитию киноискусства?

Я только один раз пережил настоящую революцию. Это был переход с черно-белого на цветное кино. Тогда многие этому противились, боялись, что кино станет имитацией реальности. Так же боролись за немое кино. Это показывает, что, нравится нам это или нет, новшества должны внедряться и реализовываться. В таком фильме, как «Валенса», это помогло нам спасти документальные ленты прошлых лет, которые можно было хорошо обработать, чтобы они могли существовать на большом экране. Многие технические возможности иногда нужны. Но я не планирую делать фильм, в котором спецэффекты играли бы решающую роль.

Вы руководите Школой кинорежиссуры Анджея Вайды. Чему Вы учите своих студентов?

Эта школа заменяет определенную систему, созданную польской киношколой после войны. То есть фильмы производят творческие группы, а не производственные объединения, к которым стоят в очереди. Во главе группы из 8-10 режиссеров стоят старшие наставники. Все фильмы обсуждаются. Мы занимаемся теми, кто уже окончил режиссерские и сценаристские факультеты, и стоят перед первым фильмом. Мы становимся их союзниками, у которых нет личного интереса, а есть моральная и художественная ответственность, чтобы их работа выглядела как можно лучше для продюсера. Мы помогаем им сделать первый шаг, первую картину. Это уникальная международная школа, дающая моло-

дым режиссерам из разных стран возможность поговорить о фильме, который они хотят сделать.

Существует ли формула хорошего кино, некая формула Вайды?

Думаю, нет. Сейчас появляются такие шокирующие картины, что если бы кто-то описал мне их своими словами, я бы сказал, что это невозможно. А оказывается, что эти фильмы определяют новые направления. У польского кино был определенный опыт перед глазами, так как уже существовал итальянский неореализм, который был для нас этим указателем. Но когда я снимал «Пепел и алмаз» (1958), то уже больше оглядывался на американское кино, стараясь снимать более интенсивные сцены. Мы следим, как быстро развивается кино.

На Ваш взгляд, Голливуд окончательно захватил мир, или у европейского кино еще есть шанс пробиться к широкому зрителю?

Мы делаем товар, а продать – это совсем другое дело. Но так со всеми товарами. Их производится большое количество. Сложность в кинотеатрах, в тех, кто их предлагает зрителям. Именно поэтому появилось так много малых, локальных фестивалей. Появились фильмы, которые показы-

вают только на этих смотрах. А если какой-то дистрибьютор его выловит – это удача.

Как Вы относитесь к российскому кино?

Это всегда было фантастическое кино. Я дружил со многими режиссерами, с Тарковским. Помню, он хотел быть моим ассистентом, когда

я снимал «Каналы».

Оказалось, что тогда это было невозможно. Дело дошло до ЦК, где сказали, что молодой советский режиссер не может быть ассистентом у польского режиссера. Тарковский был прекрасным человеком. Я сейчас смотрю гораздо меньше фильмов, но российское кино обращает на себя внимание. Всё, что я видел, это всегда прекрасные актеры и интересные операторы. Традиция советского кино осталась.

В 2015 году будет проходить Год России в Польше и Польши в России. Чего Вы ждете от этого события?

Если говорить о кино, то они найдут хорошие картины и с одной, и с другой стороны. Сейчас так много фестивалей. За это я не беспокоюсь. Я лично хотел бы, чтобы из России к нам приехала выставка советского авангарда 20-х годов. Это была бы мечта. Думаю, следует искать чего-то такого. Конечно, фильмы посмотрит большое число людей. Выставку – меньше. Но я бы очень этого хотел.

В российской версии сайта «Википедия» о Вас написано: «Вайда является последовательным антикоммунистом, не скрывает негативных взглядов на СССР, Россию и русских». Это справедливое высказывание?

Нет. Советский Союз – это также Тарковский, Кончаловский, которые любили меня и показали, как выглядело кино в самые сложные моменты. У меня там было столько друзей! Зачем мне так говорить? Это несправедливое суждение. Это меня задевает. Я всегда только с удивлением смотрел на моих советских коллег-режиссеров, поражался, сколько они

должны пережить, чего я не должен. Они так мало снимали, пробиваясь через различные преграды, а художник должен постоянно работать.

Каково Ваше определение счастья?

Человек не должен заниматься собой, так как это ведет к самым большим ошибкам в жизни и недопониманию. Когда человек работает с другими, для других, то становится частью чего-то. Плохо, когда он начинает анализировать, копаться в себе, рассуждать, для меня ли это и т.д.

А в чем цель жизни?

Оставить что-то после себя. Я оставил несколько фильмов, спектаклей...

Вы довольны, что стали режиссером? Возможно, в детстве хотелось быть кем-то другим?

Думаю, я не потратил жизнь зря.

Благодарю за беседу.

Ирина Полина,
ИТАР-ТАСС,
специально для «Янтарного моста»